

Фейдер Валерия Андреевна

А. П. Чехов

**Литературный быт и творчество по
мемуарным материалам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В15

В15 **Валерия Андреевна Ф.**
А. П. Чехов: Литературный быт и творчество по мемуарным материалам / Фейдер Валерия Андреевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 486 с.

ISBN 978-5-519-78886-1

ISBN 978-5-519-78886-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В ноябре 1888 г. А. П. Чехов писал А. С. Суворину: „...Архимеду хотелось перевернуть землю, а нынешним горячим головам хочется обнять научно необъятное, хочется найти физические законы творчества, уловить общий закон и формулы, по которым художник, чувствуя их инстинктивно, творит музыкальные пьесы, пейзажи, романы и проч. Формулы эти в природе вероятно существуют. Мы знаем, что в природе есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, круг, квадрат, зеленый цвет, красный, синий... знаем, что все это в известном сочетании дает мелодию, или стихи, или картину, подобно тому, как простые химические тела в известном сочетании дают дерево, или камень, или море, но нам только известно, что сочетание есть, но порядок этого сочетания скрыт от нас. Кто владеет научным методом, тот чует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам. Отсюда вопрос: какие же это законы? Отсюда искушение—написать физиологию творчества...”

Мы воздержимся от искушения „обнять необъятное“ и не станем писать физиологию творчества. Наша задача — лишь ввести читателя в эту интересную тему и наметить один из путей к возможным обобщениям в области литературного творчества. С этой целью мы попы-

таемся проследить как работали наши писатели, как, под влиянием внешних обстоятельств и взаимодействия их с психическим миром художника, создавались те или иные „творческие сочетания“.

Материальная и моральная обстановка, окружающая писателя, определяет характер его творчества и его литературных замыслов. Внутренние процессы — зарождение замыслов, их вынашивание и претворение в жизнь — остаются пока недоступными наблюдению, но внешняя обстановка и внешний процесс писательства в значительной мере „видимы глазами“.

Мы можем видеть, как писатель работает за своим письменным столом, что способствует, или мешает его писательству, легко или трудно дается ему рождение формы, удовлетворен ли он ею или недовольный — он снова бросает ее в кипящий тигель своего воображения, чтобы переплавить вновь. Мы можем видеть, как технически он отделяет и шлифует свою вещь, в надежде довести ее до возможного совершенства и согласования со внутренним замыслом. Изучению этих внешних, „видимых“, процессов и посвящается наша работа.

Материал, которым мы воспользуемся для нашей цели, будет исключительно конкретный: свидетельства авторов о самих себе и их современников, — переписка, воспоминания, дневники, записные книжки и т. п. Извлечения из них, связанные в известную систему, дадут живую картину творческой деятельности избранных нами писателей.

Первая „литературная мастерская“, с которой мы сейчас познакомимся будет Чеховская.

Еще не прошло и четверти века со дня смерти, Чехова, еще история не успела напластовать над его могилой своих египетских пирамид. Что ни день, сверкающие самоцветы чеховских словечек, сравнений, образов рассыпаются по сухим газетным строкам, вклиниваются в современный литературный обиход, забираются в разговорный язык. А герои его книг, накинув на себя одежду наших дней, все еще бродят меж нас, узнанные и неузнанные, на перекрестках столиц, в глуши уездов, по снежным сугробам далеких деревень, ибо старая русская обывательщина еще далеко не отжила, несмотря на крутые сдвиги последних лет.—„Мы живем среди порядочной мещанской духоты, она душит нас и в деревне, и в провинции, и даже в столице. Она держит в своих когтях обывателя, она прочно вцепилась еще и в рабочего и под ее злым крылом ютится слишком часто личная семейная жизнь даже революционеров... Чехов умер и работал в иной обстановке, тем не менее, он часто попадал в головы гидр, осаждающих еще и нас“ ... говорит А. В. Луначарский в своей статье „Чем может быть А. П. Чехов для нас“¹.

Чеховский юмор и по-сейчас клеймит эту духоту и пошлость в нашем быту, а его призывная тоска по жизни гуманной, культурной и действенной еще не отзвучала.

В заключение, коснемся методов и техники настоящей работы. — Материалов о Чехове, рассеянных по журналам, сборникам и газетам,

¹ „Печать и Революция“. 1924 г., Кн. 4-ая.

имеется не мало, но далеко не все они равноценны и доброкачественны. Не только недруги и завистники Чехова, но и лучшие его друзья и почитатели допускают в своих воспоминаниях о нем фактические ошибки, ложные выводы, привносят ультра-субъективные черты, искажающие облик писателя. Этот разброд поражает еще более, когда авторы воспоминаний отходят от простого повествования и уклоняются в область психологической характеристики. Здесь мы видим, как искренний пафос одних доводит их до возвеличения Чехова в „полубоги“, как умильное смирение других снижает его до „средненького человека средненькой России“.

С этой разноголосицей приходится жестоко бороться. Большинство выборок из этих материалов мы проводим сквозь строй „очных ставок“—сопоставлений с рядом других „свидетельских показаний“, главным же образом, с показаниями самого Чехова о себе. Все сомнительное, апокрифическое и анекдотическое, не поддающееся проверке, мы отбрасываем, как излишний балласт, а если кое что и допускаем, то лишь с соответствующей оговоркой. Но, и из очищенного таким образом биографического архива, мы делаем новый отбор, откладывая в сторону то, что органически не связано с литературной деятельностью Чехова. Интимные отношения Чехова к людям (любовь, дружба, неприязнь и т. п.), его общественные выступления, его суждения (в сфере политики, этики и пр.), сами по себе чрезвычайно интересные и ценные, почти не вошли в нашу работу, ибо в противном случае, она превратилась бы в био-

графию, а намеченная тема—творчество—расплылась бы в ней, утерев свои очертания. Понятно, что не все можно отрезать, не обескровив живой ткани, поэтому там, где резко отграничить тему, не повредив ей, не удалось,—мы оставили и биографические черты.

Весь отобранный материал расположен нами в порядке хронологической и логической последовательности так, чтобы каждый из привлеченных отрывков, по мере возможности, служил продолжением, или дополнением, предыдущего, а вся эта „мозаика“, в общем, давала бы впечатление связного целого¹.

К сожалению, размер книги не позволил нам дать исчерпывающий подбор материала и поэтому мы стремились сохранить только наиболее характерное. Читатель, который заинтересуется нашим опытом, может самостоятельно расширить и углубить его по линии, намеченной нами. Во всяком случае, мы особенно рекомендуем тщательную штудировку произведений Чехова, параллельно с чтением нашей книги.

Несмотря на неизбежные пробелы и промахи в нашей работе, надеемся, что она найдет живой отклик в среде литературной молодежи, рабочей интеллигенции и педагогов.

Декабрь 1927 г

Вал. Фейдер.

¹ Источники, использованные для выборок, указаны нами для удобства читателя в тексте книги почти без сокращений. Исключение составляет лишь 6-томное собрание писем А. П. Чехова, изданное под редакцией М. П. Чеховой („К-во Писателей в Москве" 1912—1916 гг., I-ое и II-ое изд.). В виду частых ссылок на этот источник мы обозначаем его сокращенно: „П“ (Письма), с указанием соответствующего тома и страниц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАГАНРОГ. — ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ. —
ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ.

(1868—1879 гг.).

Семья Павла Егоровича была обычной патриархальной семьей, каких много было полвека тому назад в провинции¹. Отец был требователен и строг, но это вовсе не мешало семье жить в такой завидной дружбе, какую редко встретишь при подобных обстоятельствах. День начинался и заканчивался трудом. Все в доме вставали рано, мальчики шли в гимназию, возвращались домой, учили уроки... Главную же особенность семьи Чеховых составляло пение и домашнее богослужение. Каждую субботу вся семья отправлялась ко всенощной и, возвратившись из церкви, еще долго пела у себя дома канон... Утром шли к ранней обедне, после которой дома все также хором пели акафист...

¹ Антон Павлович Чехов родился 17 января 1860 г. в Таганроге. Его дед, со стороны отца, был крепостным помещика Воронежск. губ.—Черткова. В 1841 г. он откупился на волю. Впоследствии служил управляющим имениями гр. Платова, в Донской области.—Отец А. П., Павел Егорович, прошел в молодости суровую школу «мальчика», «молодца» и, наконец, приказчика у одного из таганрогских купцов. В 1857 г. он открыл собственную бакалейную торговлю. Мать А. П. происходила из купеческой семьи Морозовых, из г. Шуи. Детей у Чеховых было шесть человек: Александр, Николай, Антон, Иван, Мария и Михаил.

Любитель пения Павел Егорович организовал из детей правильный хор и пел с ними в церкви местного дворца (в котором в 1825 г. жил и умер Александр I).

(Мих. Павл. Чехов. «Антон Чехов и его сюжеты». М. 1923. Стр. 8—11).

По возвращении от обедни домой, пили чай. Затем Павел Егорович собирал всю семью перед киотом с иконами и начинал читать акафист спасителю или богородице... К концу этой домашней молитвы уже начинали звонить в церквях к поздней обедне. Один из сыновей—гимназист—по очереди или по назначению отца отправлялся вместе с „молодцами“, в качестве хозяйского глаза, отпирать лавку и начинать торговлю, а прочие дети должны были идти вместе с Павлом Егоровичем к поздней обедне. Воскресные и праздничные дни для детей были такими же трудными днями, как и будни, и Антон Павлович, не без основания, не раз говаривал братьям:

— Господи! Что мы за несчастный народ! Все товарищи гимназисты по воскресеньям гуляют, бегают, отдыхают и ходят в гости, а мы должны ходить по церквам!

(А. С—ой. «А. П. Чехов—певчий», «Вестн. Евр.». 1907, кн. X) 1.

Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание—с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправ-

1 А. С—ой (а также А. Седой)—псевдоним брата А. П. Чехова—Александра Павловича.

Домик в Таганроге, где родился А. П. Чехов.

